*Н. А. Криничная*
Петрозаводск

# ВЕДУНЫ В СВЕТЕ ТЕРМИНОЛОГИИ: ИЗ ОПЫТА ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Объектом нашего внимания служат персонажи мифологических рассказов, получившие эзотерическое знание и магическую силу от неких божественных покровителей либо пользующиеся услугами чудесных помощников с целью оказать определенное воздействие на жизнь конкретного человека, социума и даже универсума, на конкретное явление природы или на очередной ее цикл. По мере же низведения мифических покровителей и помощников с их языческих высот до уровня нечистой силы, вплоть до дьявола, эти персонажи все чаще трансформируются и даже негативно переосмысляются, сохраняя свою изначальную сущность лишь в рудиментах. Имеются в виду прежде всего ведьмы, колдуны, знахари и многие другие аналогичные персонажи. При рассмотрении этих образов встает вопрос об их классификации, а точнее, о самой возможности и целесообразности таковой.

Дело в том, что на протяжении более чем двух столетий в фольклористике сложились различные тенденции к решению проблемы дифференциации ведьм, колдунов, знахарей.

Первая тенденция сводится к тому, чтобы вообще не различать названных персонажей. Вторая заключается в том, что различаются ведьмы и колдуны, без выделения знахарей. И наконец, третья проявляется в стремлении исследователей дифференцировать и ведьм, и колдунов, и знахарей друг от друга.

Подобный разнобой в терминологии объясняется положением дел в самой фольклорной традиции, где за каждым из названных персонажей нет четкого закрепления функции, вследствие чего одно и то же действие может совершаться то ведьмой и колдуньей, то колдуном и знахарем, то тем и другим и третьим. Например, делать залом в поле или напускать волков на стадо могут и колдуны, и знахари; обладают искусством оборотничества и ведьмы, и колдуны; превращают свадебный поезд в животных и ведьмы, и колдуны, и знахари, и кудесники и т. д. Не различают их и сами рассказчики: «*Ведьмы* есть, в пещерах живут. Они сильные *колдовки* (курсив мой. — Н. К.)»[1].

Обращение непосредственно к материалам мифологической прозы, равно как и к соответствующей мифологической лексике, не только не упрощает решения задачи относительно дифференциации интересующих нас персо-

© Криничная Н. А., 2001

[1] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996. № 303. С. 80.

нажей, но еще более усложняет ее. Дело в том, что основные наименования всевозможных ведунов буквально растворяются во множестве синонимов.

При рассмотрении семантики этих лексем, имеющих место в мифологической традиции, со всей очевидностью обнаруживается, что увеличение числа наименований ведьм, колдунов, знахарей может происходить и за счет персонификации одной из присущих им функций[2]. Круг наименований ведьм, колдунов, знахарей пополняется и благодаря тому, что персонифицируется сама соотнесенность ведунов с мифическими существами, наделившими их магической силой и сверхъестественными способностями.

Мало того, *немифологическая* лексика часто используется в значении *мифологической*. Наименования интересующих нас персонажей могут быть обусловлены, в частности, половозрастными признаками. Не случайно в мифологических рассказах слова «старик», «дед», «дедушка» и «колдун» являются взаимозаменимыми, что имеет свою мотивировку: «Колдунами под старость становятся, когда им срок приходит творить»[3]. Как следует из самих мифологических рассказов, магическая сила приписывается старшим в семье, в семейно-родовой или сельской общине. Именно старшим принадлежит главенствующая роль и при совершении обрядов, связанных с культом предков. Именно им отводится роль медиаторов между умершими и живыми сородичами, равно как и между мифическими существами, чаще всего духами-«хозяевами», и людьми.

Кроме того, в мифологической прозе выявляется ряд наименований ведунов, маркированных территориальными и даже этническими знаками. Во всех этих случаях сказывается влияние оппозиции свой—чужой, сложившейся в традиции и реализующейся на разных уровнях.

Зачастую репутация колдунов закреплялась за жителями определенной местности, конкретных селений. Вспомним в связи с этим, что по всему Русскому Северу славились своим чародейским искусством пастухи-ваганы, т. е. жители побережий Ваги, притока Северной Двины.

Для наименования ведьм, колдунов, знахарей используются и определенные этнонимы. Так, например, согласно поверьям жителей Кенозера, колдуны — это прежде всего чудь, населяющая верховья р. Ояти (в данном случае имеются в виду, разумеется, вепсы), причем особенной известностью в этом отношении почему-то пользуются деревни Шеменичи и Юксовичи. В других локальных традициях аналогичную семантику имеют иные этнонимы. Например, в восточносибирской мифологической традиции в таком же значении используется этноним «бурят», в южнорусской — «татарин», в общерусской же — «цыган». В приписывании иным, чаще всего соседст-

---

[2] *Черепанова О. А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 15.

[3] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 303. С. 80.

вующим, этносам чародейских свойств в очередной раз проявляется «эффект остранения», о чем мы уже писали при рассмотрении преданий о чуди[4].

Знаками ведунов маркированы и охотники, пастухи, коновалы, пользующиеся покровительством лешего, который со временем трансформировался в черта или беса. Осмысляются как ведуны и люди, так или иначе связанные с водной стихией и ее духом-«хозяином». Это рыбаки, мельники, паромщики. Вопросу о взаимоотношениях их с водяным также уделялось внимание[5].

Ведуном же, связанным с другой природной стихией — с огнем, выступает обычно кузнец, который в сказке перековывает старого на молодого, кует брачные узы молодым или судьбу людям в заговорах и песнях, выступает в роли «знающего» человека в мифологических рассказах. Аналогичную семантику имеют и персонажи, занимающиеся рукоделием: портные, сетевязы, пряхи, вышивальщицы. Так или иначе их деятельность связана с нитью и ее эквивалентами: пряжей, полотном. О соотнесенности людей, занимающихся тем или иным рукоделием, с самими божествами судьбы, представленными в поздней традиции лишь в своих реминисценциях, мы уже писали особо в работе «Нить жизни»[6]. Так, в одной из бывальщин, бытовавших в Ярославской губернии, некоему пошехонскому швецу (по словам рассказчика, «ведомому знахарю») удалось снять напущенное плотниками колдовство.

В качестве ведунов осмысляются и всевозможные распорядители семейно-родовых обрядов: родильных, свадебных, похоронных: бабка-повитуха, причитальщица, или плакальщица, вопленица (если она причитает за невесту), или вожатая (так в Заонежье называют вопленицу в том случае, если невеста причитает сама).

Очень часто к персонажам, имеющим магическую и даже, можно сказать, судьбоносную силу, относится и дружка. «Я вот хорошо с мужем прожила, потому что дружка хороший на свадьбе был»[7].

И наконец, с носителями тайных знаний ассоциируется странник. Это может быть старик, нищий, богомолец, святой и даже сам Господь, равно

---

[4] *Криничная Н. А.* Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л., 1987. С. 77—97.

[5] *Криничная Н. А.* Леший и пастух (по материалам севернорусских мифологических рассказов и поверий) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1994. С. 134—181; *Она же.* Язычество и крестьянский быт: мифологические рассказы о лешем как покровителе диких животных и охотников // Традиционная культура: общечеловеческое и этническое… Петрозаводск, 1993. С. 112—117; *Она же.* На синем камне (мифологические рассказы и поверья о духе — «хозяине» воды). Петрозаводск, 1994. С. 23—40.

[6] *Криничная Н. А.* Нить жизни: реминисценции образов божеств судьбы в мифологии и фольклоре, обрядах и верованиях. Петрозаводск, 1995. 40 с.

[7] Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Петрозаводск, 1987. № 304. С. 210.

как и оказавшийся едва ли не тождественным им функционально простой прохожий и — наиболее часто — солдат. По слову странника, озеро зарастает «мохом-травою», река, дойдя до деревни, исчезает под землей, а затем вновь появляется за ее пределами, змеи пропадают бесследно в конкретной местности. Старики, ночующие в амбаре, поскольку в доме для них не нашлось места, оказываются предначертателями судьбы родившегося тогда у хозяев младенца. Попросившийся на ночлег солдат упреждает и нейтрализует происки ведьм и даже летает вслед за ними на шабаш.

Идентифицировался с колдуном и человек, имеющий то или иное увечье: хромой, безногий, безрукий, горбатый, слепой, глухонемой, малоумный, невменяемый. Например: «Один инвалид был, без руки с войны пришел. Говорят, что он *знался* (курсив здесь и далее мой. — Н. К.)»[8]. В подобного рода увечьях проявляют себя силы хаоса, делающие границу между мирами, «тем» и «этим», взаимопроницаемой. Вот почему увечные осмысляются в качестве медиаторов.

Своего рода синонимами к словам «колдун», «кодунья» являются и лексемы *один, одна*, употребляющиеся самостоятельно либо в сочетании с существительными типа «мужик», «бабка», «женщина» и пр. Они призваны обозначить исключительность данного персонажа, причем это может быть не только субъект, но и объект действия.

Мало того, значительный пласт соответствующей лексики обнаруживается и в древних памятниках письменности. И эта традиция, как установила О. А. Черепанова, не прерывается до нового времени. Ср. многочисленные названия подобных персонажей в памятниках разных эпох (XI—XV вв.): баяльник, ведма, вещель, волшебьница, вълшьвьбьник, проклятые бабы, кобьник, коренитьць, колдун, наузьник, облакогонитель, обавьник, потворьница, шьпътьник, чародеец, чародей, чародеица, оузольница, травьник и многие др. Как мы заметили, среди перечисленных лексем нет лишь слова «знахарь», поскольку оно, если судить по «Словарю древнерусского языка» И. И. Срезневского, обозначало ранее реального человека, знающего реальное же дело либо конкретную местность, хотя и приобрело к XVII веку известное нам значение «знахарь, лекарь» в качестве второстепенного по сравнению с основным[9].

Существенным дополнением к этому ряду наименований может послужить слово «волхв» (вълхвъ, влъхвъ), о чем следует сказать подробней. Прежде всего, оно действительно служит одним из обозначений колдунов и чародеев. Кроме того, под волхвами подразумеваются и всевозможные жрецы, служители прежних языческих культов, о чем свидетельствуют, в частности, Великие Минеи-Четии: «Стареишина волхвом введе я в церковь

[8] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 342. С. 90.
[9] См. также: *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I. Ч. II. Стб. 994.

идолскую и понуди я отврещися Христа и поклонитися идолом»[10]. В качестве ревнителей прежней языческой веры представлены волхвы и в начальной русской летописи.

Название «волхвы» удержалось за персонажами севернорусской мифологической прозы вплоть до наших дней. Как и в древнерусской литературе, в современных записях персонажи под этим наименованием маркированы преимущественно отрицательным знаком. В одной из бывальщин волхвы в лице деревенских жительниц Паланьи и бабки Маши испортили человека и скот (корову), отняли урожай в огороде. В другом мифологическом рассказе волхв испортил молодуху. И наоборот, «волхвинка» выявила наславшего порчу. Появление волхвов продолжают связывать и с большими годовыми праздниками несмотря на то, что праздники уже обрели признаки христианских, а волхвы утратили былую роль языческого духовенства. Сохранение в традиции подобных рудиментов не случайно. Как выясняется, всевозможные деревенские колдуны и знахари — это далекие наследники древних волхвов, которые вплоть до XIII века все еще продолжали удерживать в Новгороде свои позиции. О происхождении волхвов как жрецов пишет М. Никифоровский: «Как городища и требища представляли ближайшую ступень к храмам, точно так же волхвы представляли переход к жрецам, в настоящем смысле этого слова; они явились, без сомнения, в то время, когда верования и богослужебные обряды усложнились и стали принимать более или менее постоянную и неизменную, кудесническую, форму, когда обыкновенные смертные не могли знать всех и на все случаи тайн религии и для этого стали требоваться особые люди — вещие»[11]. Как отмечает М. Вебер, священнослужители отличаются от колдунов лишь в социологическом аспекте, тогда как в реальной действительности границы здесь очень размыты, хотя признаком священства можно считать «регулярное отправление обособленным кругом лиц культовых действий, связанных с определенными нормами, местом и временем и определенными группами людей»[12].

Волхвы, по утверждению академика Б. А. Рыбакова[13], представляли собой жреческое сословие, влияние которого в русских землях IX—X веков вряд ли подлежит сомнению. То же отмечал относительно балтийских славян и А. Ф. Гильфердинг: «Жрецы имели значение особого, строго отделенного от народа сословия…»[14]. Волхвы управляли религиозной жизнью на разных уровнях: селения, племени и государства. Вместе с тем это было, так сказать, языческое духовенство деревни, города и княжеского двора. Кстати,

---

[10] Великие Минеи–Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Археографической комиссией. М., СПб., 1868—1917. Декабрь 6—17.808.

[11] *Никифоровский М.* Русское язычество. СПб., 1875. С. 100.

[12] *Вебер М.* Избранное. Образ общества: Пер. с нем. М., 1994. С. 98—100.

[13] *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 302.

[14] *Гильфердинг А. Ф.* История балтийских славян. СПб., 1874. С. 200—203.

и сам князь имел жреческие функции, что подтверждается данными славянских языков, во многих из которых наблюдается близость слов «князь» и «жрец» (чешский: князь — knez, жрец — knez; польский: князь — ksiaze, жрец — ksiadz). В восточнославянском же обществе перед принятием христианства имело место разделение власти между жрецом и князем. При этом у русов, по свидетельству арабских авторов, авторитет языческих жрецов был выше авторитета верховных правителей земель. Вот что писал по этому поводу Ибн Русте: «Есть у них знахари [по-видимому, имеются в виду волхвы. — Н. К.], из которых иные повелевают царем, как будто они их [русов] начальники. Случается, что они приказывают принести в жертву творцу их тем, чем они пожелают… И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно»[15]. О том же сообщает и Гардизи.

Простой же сельский волхв, продолжая традиции своих учителей-предшественников, должен был поддерживать религиозную жизнь своего микроколлектива, руководить процессом языческого богослужения: знать и помнить все обряды, заговоры, ритуальные песни, магические действа и атрибуты. Он должен был знать функции божеств, соотнесенность их друг с другом, связь с календарными сроками и всеми земными делами. В состав ритуалов включались и мифы о предке-родоначальнике, истории рода, племени. Он был посредником между людьми и богами, светлыми и темными (последнее обусловлено влиянием христианства). «По всей вероятности, общественные магические действия производили мужчины-волхвы, а в семейном, домашнем обиходе, в вопросах гадания о личной судьбе, в лекарском знахарстве видная роль принадлежала женщинам, тем ведьмам (от глагола «ведать» — знать), которых в XVII веке называли «бабами богомерзкими»[16], — пишет академик Б. А. Рыбаков по поводу разграничения функций волхвования в зависимости от половой принадлежности. Во всяком случае, волхва (вълхва, влъхва) по сути та же колдунья, волшебница.

Имея общее название «волхвы», жрецы, тем не менее, судя по разветвленности терминологии, различались и по более узким специализациям. Так, в составе жреческого сословия известны, к примеру, волхвы-облакопрогонители, волхвы-целители, «волхвы-кощунники», т. е. сказители «кощюн» — мифов, хранители древних преданий.

О связи ведьм, колдунов, знахарей с волхвами как носителями эзотерического знания свидетельствуют и этимологические разыскания в области соответствующей терминологии. Так, например, слово «ведьма», по утверждению М. Фасмера, связано с праславянским «vede», т. е. «я знаю»[17]. Смысл стоящего за ним образа раскрывается благодаря родству данной лексемы с полисемантическим словом *ведь*, в числе значений которого от-

[15] Цит. по: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 398, 400.
[16] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 297.
[17] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986. Т. 1. С. 285.

мечаются следующие: 1) провидение, промысел; чудодейственная сила; 2) колдовство, чародейство, знахарство и лицо, обладающее склонностью к этому; 3) знание, сведение. В первом из этих значений в древнерусском языке употребляется и слово *ведьмение*.

К этому ряду родственных слов относится и *ведьство*, обозначающее в древнерусском языке то же, что и *ведовство*, а именно: колдовство, чародейство. Все эти лексемы соотносятся с глаголом *ведать* (старосл. ведети), что в славянских языках обозначает «знать». (Заметим, что в «Лексиконе славенороссском», составленном Памвой Берындой и впервые опубликованном в 1627 г., приводится слово *ведение* в следующих значениях: «познанье, сведомость, розуменье, знаемость, веданье, розмышленье».) Поскольку *ведать* и *знать* со временем сходятся в определенном семантическом единстве, не удивительно, что оно распространяется и на персонажей, обозначенных наименованиями, производными от этих глаголов. Вот почему знахарь (такое название ведуна, по предположению М. Фасмера, является табуистическим) в плане семантики и этимологии по сути эквивалентен ведьме.

Продолжая рассмотрение наименований, относящихся к одному типологическому ряду, отметим, что слово «колдун» происходит от колдовать — заговаривать и первоначально значило «заклинатель». Иначе говоря, в отличие от ведьмы и знахаря, в названиях которых сделан акцент на владении ими эзотерическим знанием, в колдуне персонифицируется способ практического применения этого знания посредством вербальной магии. Примеров тому в мифологической прозе можно обнаружить достаточно: «... она на дворе своем, она там что-то *ворчит*, кругом скотины ползала, *шептала* что-то (курсив мой. — Н. К.)»[18]; «Свекровь моя и пела: «Белый чад, кудрявый чад, пади, мой цад, не на воду, не на землю, пади, мой цад, сыну на сердце. Ни запить, ни заесть, любовью не залюбовать. Ау! едь домой!»[19]. И все же, несмотря на изначальную связь вербальной магии с персонажем, именуемым «колдуном», она больше закрепилась за ведуном, называемым в народе «знахарем» — знающим заговоры.

Происхождение других терминов, обозначающих того или иного чародея, связано с обозначением присущего ему качества, также обусловленного владением тайными знаниями. Например, вещун, вещица, или вештица, зафиксированные в севернорусской и сербской традициях, ведут свое начало от «вещий» (древнерусск. «вештии»), что значит «мудрый», «опытный», равно как и «колдунья», «ведьма»; в словенском языке словом vesca называется и «мудрая женщина», и «ведьма». В древнерусском языке слово «вещий» приобрело и множество других значений, так или иначе относящихся к ве-

[18] Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. № 324. С. 85.
[19] Там же. № 367. С. 96.

довству: сведущий; предвидящий, предсказывающий; наделенный сверхъестественной силой, волшебный; красноречивый, наделенный даром слова.

В другом случае в наименовании ведуна изначально закодировано магическое действие. Так, например, кудесник происходит от древнерусского кудес «чары, колдовство». Связано с чудо, ранее кудо (родительный падеж: кудесе). В древнерусском языке кудесник обозначало «волхв», «чародей», а кудесы — «волхвование», «чародейство». Не случайно И. М. Снегирев отождествляет кудесников с волхвами, видя в них представителей древнего язычества[20].

Близко по значению к кудеснику и наименование «ворожея», поскольку ворожа в древнерусском языке означало «волхвование», «ворожение». К этому же семантическому ряду относятся и волхв, волшебник. Как утверждает М. Фасмер, «волшебный — производное от волшба, славянск. vъlsba, которое связано с волхв». Волхв же в болгарском языке означает «волшебник», в словенском — «гадалка». Волхвами в древнерусской литературе и в народной мифологической прозе могут быть названы, как мы уже говорили, и волшебники, и кудесники, и чаровники, а также ведьмы, колдуны, потворники и прочие персонажи, обладающие магической силой и сверхъестественными способностями. В них по сути персонифицировались различные признаки, действия, атрибуты волхва-жреца, образ которого оказался в едином ряду дифференцировавшихся от него или просто синонимичных ему персонажей, казалось бы, никак с ним уже не связанных и даже противоборствующих друг с другом. Среди них есть сохранившие свое былое величие и негативно переосмысленные, равно как и занимающие промежуточное положение между теми и другими. В этих персонажах, условно называемых нами обобщенными словами «ведуны», «чародеи» (древнерусск. и старославянск. чаръ — «колдовство»; чешск. car, cara — «волшебство»), мы усматриваем преемников искусства древних волхвов-жрецов, само наименование которых едва ли не полностью исчезло из традиции под натиском гонителей тех, кто сохранял верность старым языческим богам.

---

[20] *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды: В 4 вып. М., 1837. Вып. 1. С. 33.